

Анастасия Охотина

ПОСЛАНИЕ

21 3 2007

К

КАРИНЕ

12+

Анастасия Юрьевна Охотина

Послание к Карине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67215055

SelfPub; 2022

Аннотация

Карина – девушка, проживающая серые тоскливые будни в старой хрущевке. Ее дни похожи один на другой, жизнь кажется такой же серой и совершенно безвкусной, пока однажды ей не приходит письмо...

Анастасия Охотина

Послание к Карине

Замерзшие пальцы коснулись железных кнопок кодового замка. Приложив усилие, я открыла тяжелую железную дверь старенькой хрущевки.

В подъезде, как обычно, темно и привычно пахнет сыростью. Лифт в доме отсутствует, зато в нескольких шагах от входной двери располагается старая лестница с облупившейся краской на перилах.

Моя черная стеганая куртка насквозь мокрая от октябрьского ливня. Я снимаю капюшон и дышу на холодные ладони, тру их друг о друга, стараясь согреть, но это не помогает.

Делаю над собой усилие, чтобы снова шагнуть на эту старую лестницу. Она напоминает мне мою жизнь, поэтому я ненавижу ее и всякий раз с презрением сдираю ногтями краску с перил, когда поднимаюсь вверх.

Моя жизнь – усталое движение вверх по старой разрушенной лестнице, где в точке прибытия меня не ждет совершенно ничего.

У почтовых ящиков на третьем этаже копается пожилой мужчина – сосед, живущий прямо подо мной. Тот еще мерзкий старикашка.

– Молодежь! Вечно у вас лица недовольные! – мгновенно реагирует на меня дед, как бык на красную тряпку.

– А чему радоваться-то? – огрызаюсь я, демонстративно доставая из кармана телефон и утыкаясь в экран.

– И волосы-то все себе обкорнала, совсем как пацан! – не унимается старик и ворчит мне вслед.

И какое ему дело до пары сантиметров мокрых от дождя волос, оставшихся от моей густой шевелюры?

Я быстро поднялась на четвертый этаж, громко звякнула ключами и наконец осталась в тишине. В своей звенящей тишине, давящей на уши в те несколько секунд, когда тыходишь с шумной улицы в полное безмолвие.

Включив свет и бросив на пол сумку, я скинула мокрую куртку, сапоги и пошла в ванну, желая смыть с себя очередной, похожий один на другой, серый день.

Раздевшись, я ненадолго остановилась у зеркала, рассматривая свою короткую «пацанскую стрижку».

Зачем я смотрела на себя снова и снова? Зачем всматривалась в свои серые глаза? Такие же серые как небо, под которым я жила, и дни, которые я проживала. Что я хотела увидеть в них?

Однушка, которую я снимала была обклеена монотонными белыми обоями, пожелтевшими от старости. Я могла бы сделать ремонт, но мне не хотелось ничего делать. Не хотелось ничего тут менять, ведь все это не было моим. Да и была ли я?

Я работала парикмахером, оставляя на работе по двенадцать часов своей жизни. Помню, когда-то в детстве мне хо-

телось делать людей красивыми, поэтому я выбрала такую профессию. Но потом... Потом идеи угасли, детские идеалы остались в прошлом, а я столкнулась с привередливой клиентурой, хамоватым начальством и рутинной, повторяющейся изо дня в день, из года в год.

Так шли мои будни. Да что там мои? Наверное, будни тысячи людей проходят именно с таким же чувством глубокого разочарования окружающей действительностью.

Так прошла еще одна неделя моей жизни. За окном было тридцатое октября. Я открыла окно в комнате, стараясь хоть как-то выветрить из квартиры запах влажного подъезда. На улице было темно, хоть глаз коли, зато хоть не было дождя. Ну конечно, разве мог идти дождь, когда я дома? Он шел только тогда, когда я шла по делам, словно даже погода менялась назло мне.

Подойдя к кровати, я достала из-под подушки шелковую голубую ночнушку. И откуда такая привычка – складывать спальные принадлежности под подушку?

Вдруг в дверь мне позвонили. Хотя разве это звонок? Больше походило на треск. Но само то, что кто-то звонит мне в дверь в пол одиннадцатого ночи, очень меня взволновало. В один миг я почувствовала на своем теле каждый волосок, поднимающийся дыбом от волнения.

Снова положив на место ночнушку, я медленно прошла к входной двери и, тихонько встав на цыпочки, посмотрела в глазок.

Незнакомая полная женщина стояла за дверью, держа что-то в руках. Кто она? Что ей надо? Может стоило просто проигнорировать ее?

От чего-то мое сердце заколотилось так сильно, словно в этот момент решалась моя судьба. Я чувствовала, что ничего хорошего мне это не принесет, однако природное любопытство взяло верх. Пальцы повернули ключ в замке и я отперла дверь.

Передо мной предстала незнакомка во всей красе. Чуть полноватая женщина средних лет в пальто и нелепом берете стояла и мяла в руках белый конверт.

– Здравствуйте, – начала женщина, – вы Карина Зарокова?

– Да, а что?

– Это вам, – загадочно произнесла женщина, протягивая конверт.

– И что это?

От чего-то я сложила руки на груди, не притронувшись к конверту. В голову полезли всякие параноидальные мысли, которые я слышала за жизнь: «Конверт отравлен!», «Это биологическое оружие!» и все в этом роде.

– Это письмо.

– От кого?

– Меня просили передать, и не говорить! – вспыхнула женщина, запихивая мне в руки конверт. – Я, как проклятая, утки за больными выношу, устаю, а тут еще вы со своим до-

просом! Недовольная какая! До свидания!

Женщина припустила по лестнице как молодая лань, оставив меня в полном оцепенении от ошеломления.

– Ненормальная! – только и смогла я выкрикнуть ей вслед.

Захлопнув дверь, я зло прошла до кухни и швырнула конверт в мусорку под раковиной.

Босые ноги ступали по холодному полу, меряя шагами кухню. Наконец, чуть успокоившись, я села на стул и уставилась на мойку, стараясь не думать о письме. Да и что там такого могло быть? Наверняка, если уж и не отравы, то какая-нибудь реклама.

Я включила телевизор и стала бесцельно щелкать каналы, делая вид, что мне все равно.

«Не интересно!» – вслух произнесла я, снова посмотрев в сторону мусорки.

Затем встала и раздраженно достала из ведра конверт. «Карине» – было написано на нем ровным почерком.

Как странно. Кто мог написать письмо на мое имя, да еще и прислать мне его таким экстравагантным способом?

Бумага конверта гладкая, слегка шуршала пока я гладила ее пальцами и вертела в руках. Ну ладно... Была не была!

Я открыла конверт и достала аккуратно сложенное письмо, написанное тем же почерком, что и на конверте.

«Здравствуй, Карина.

Я так давно хотел с тобой поговорить, но ты не замечала

меня. Другого случая не представится, поэтому обращаюсь к тебе таким способом.

Наверное, сейчас ты гадаешь, кто же я?

Моя жизнь началась в очень славное время. Когда люди казались добрее, идеалы выше и будущее, которое мы строили представлялось прекрасным и светлым. Нет, мир не казался идеальным, отнюдь. Сколько себя помню, мы всегда хотели что-то в нем улучшить.

Мы были очень молоды, когда началась война. В девятнадцать лет я ушел на фронт. Началось самое страшное время в жизни каждого человека и всего Советского Союза.

Карина, словами не описать как было страшно на войне. Война уродлива, с любой стороны, как на нее не посмотри.

Мы спали, укрываясь одной шинелью, мерзли, голодали и умирали. Страшно умирали и смотрели, как умирают наши товарищи, дети и незнакомые люди. Но некуда было отступить, мы это знали очень хорошо. Позади нас была родина. И это слово значило для каждого из нас больше, чем жизнь.

Когда кончилась война, мы плакали. Взрослые мужики, обнимались и рыдали как малые дети. Мы еще не знали, что впереди сложное время, которое будет стоять нам ничуть не меньше того, что мы уже заплатили. Мародерство, бандитизм, голод... Я бы сравнил войну с болезнью, поразившей человечество. Нам удалось изгнать ее, но организм был настолько слаб, что начались осложнения и восстановительный период растянулся на многие годы.

Оглядываясь на прошлое, могу ли я сказать с уверенностью, что раньше было лучше? Пожалуй, этот ответ я не стану озвучивать. Сейчас нам кажется все совсем не тем... И бабушки злее и молодежь не уважает, и жить мы могли бы и по лучше.

Я многое слышал и многое видел от поколения, живущего в современном мире. Нравится ли он мне? Карина, мне сложно ответить на этот вопрос однозначно. Мир поменялся и продолжает меняться с бешеной скоростью. А перемены – это всегда страшно, особенно, когда они не такие, какими мы видели их в далеком прошлом. Мы планировали построить другое будущее, другой мир и хотели видеть других людей. Но мы всего лишь такие же люди, стоящие перед океаном обстоятельств, смотря как огромная волна надвигается на нас.

Я долго не хотел принимать новый мир. Но время шло. Я старел. И снова смотрел как один за другим умирают мои фронтовые друзья. Однажды ко мне пришло осознание, что я где-то зашел в тупик. Я хотел строить будущее и вдруг от чего-то перестал быть его частью. Мне потребовалось много сил принять, что моя война все еще идет. Только на сей раз она не с фашистами. Она с тем самым океаном обстоятельств и волной, которая грозит смыть все живое на своем пути. И в моей власти спасти из-под нее хоть кого-то или просто стоять и смотреть.

Сегодня мне девяносто восемь лет. Я живу в старенькой

хрущевке с прогнившими стенами, но я не жалуясь. У меня есть сын, он живет с женой в Кёльне. Это странно для меня, что сын фронтовика переехал в Германию, с которой я когда-то воевал. Но сейчас я понимаю, что в этом и есть благо! В том, чтобы люди объединялись. В осознании, что все мы один народ, какой бы национальности мы ни были. Мой сын счастлив, и я счастлив. Он с семьей часто приезжает ко мне. Они даже предлагают мне переехать с ними и обижаются, когда я говорю им твердое «нет». И как объяснить им, что они нашли свое счастье в другой стране, а мое счастье здесь? На родине, омытой моей кровью и кровью моих друзей. В весенних лесах и березовом соке. В закатах и рассветах, с которыми я, не счесть сколько раз, встречался лицом к лицу. И, наконец, в людях.

Я точно знаю, что наши люди добрые, сердечные и отзывчивые от природы. Помнишь, Карина, я сказал тебе о волне, из-под которой решил вытаскивать людей? Я стал участником волонтерского движения. Ходил по проблемным семьям и много говорил с детьми и подростками. Поначалу было тяжело и страшно. Ведь на меня снова легла ответственность. Огромная ответственность за будущее. Но, Карина, моему счастью не было предела, когда я видел, как эти «колючие» юные люди становились мягче, открывались мне и меняли свои взгляды на жизнь.

Я никогда никому не отказывал в помощи и никогда не получал отказ на свою просьбу о помощи. Я стал замечать,

что современные люди, все «покрытые иглами» снаружи, такие же чуткие изнутри, как и почти век назад, стоит только достучаться до них.

Я знаю, Карина, что ты утратила что-то. Не знаю что, и мне так жаль, что не узнаю. Не успею узнать. Но я хочу, чтобы ты знала: ты не одинока. Стоит только позволить себе открыть свое сердце и любить мир.

Побеждай зло добром, Карина, тогда и ты сможешь остановить волну и кого-то спасти.

Твой сосед снизу,

Всеволод Алексеевич Ветушкин».

От волнения у меня дрожали руки. Сама не понимаю, от чего я так разнервничалась, читая это письмо? Закончив читать, еще несколько минут я молча сидела, смотря на бумагу, исписанную ровным почерком. Перед глазами плыл тот день неделю назад, когда я поднималась по лестнице и последний раз видела старика у почтовых ящиков. В голове не укладывалось, что он был фронтовиком, а я так грубо ему ответила. Да и что такого? Ничего особенного ведь я не сказала? Успокаиваю себя...

Я встала со стула и медленно пошла из кухни ко входной двери. Мои руки все еще сжимали письмо, словно это было что-то очень важное в моей жизни. Я переступила порог и пошла по ступеням вниз, к двери старика, написавшего мне письмо. Что я хотела там найти? Сама не знаю.

Дрожащим пальцем я вдавила кнопку звонка. Тишина. Я заметила небольшой клочок бумаги, прикрепленный скотчем к стене возле звонка.

«Ты найдешь меня по адресу...»

Я даже слегка смутилась и обернулась, не понимая, как пожилой человек мог угадать, что я сюда спущусь? Да и вообще, мне ли эта записка?

На обратной стороне был написан адрес. Далековато от места, где я жила. Снова поднявшись в квартиру, я надела сапоги и куртку и вышла на улицу.

Немного постояв у подъезда, оценивая степень безрассудства, что в полночь я собралась ехать неизвестно куда просто потому, что меня сильно взволновало письмо, я набрала на телефоне номер и вызвала такси.

Тревога не покидала меня. Я села в машину, невпопад ляпнув адрес и уставилась в окно. Огни ночного города понеслись перед глазами. Москва особенно хороша в ночное время суток. Таксист – молодой парень, что-то говорил, но я не слушала. Не могла слышать. Мои мысли целиком и полностью были поглощены письмом и моим странным поступком.

Что я скажу, если встречу там старика, написавшего письмо? Я попрошу прощения за свою грубость. Да. Извинюсь и поговорю с ним. Пусть даже и в полночь. В письме он написал: «жаль, что не успею...» Мне надо спешить!

Расплатившись с таксистом по прибытии, я зашла в подь-

езд. На обороте записки был написан код домофона и номер квартиры... Простодушный дед. А если бы ее нашла не я, а какие-нибудь недоброжелатели?

Захожу в лифт, нажимаю кнопку одиннадцатого этажа. Еду вверх, чувствуя, как колотится сердце.

Не люблю долго находиться в замкнутом пространстве. Мне кажется, что с каждой секундой я все больше попадаю в ловушку.

Наконец двери открылись, выхожу. На меня смотрит коричневая дверь, а я смотрю на нее. Медленно подхожу и нажимаю звонок, чувствуя, словно сама судьба сейчас привела меня сюда.

За дверью шаги. Готовлю речь, чтобы с порога извиниться и объяснить перед стариком.

Ключ в замке. Скрип двери... На меня смотрит какой-то незнакомый мне парень лет тридцати. Совершенно рыжий с веснушками по всему лицу и очень тоскливыми зелеными глазами, опухшими от слез.

– Здравствуйте, – заикаюсь от неуверенности. У меня внутри все холодеет. – Я хотела бы увидеть Всеволода.

– Это я, – отвечает парень, продолжая буравить меня тоскливым взглядом.

– Простите... Всеволода Алексеевича Ветушкина. Он написал мне записку... Вот...

Чувствую себя неловко. Лажу по карманам, пытаюсь вспомнить куда на автомате сунула письмо и адрес.

– Его нет.

– Что? – я оцепенела, в душе догадываясь, что означает это «нет».

– Это мой дедушка. Он умер сегодня утром.

Парень закрыл лицо рукавом рубашки. Старой синей рубашки в клетку.

Пустота наполняла меня. С каждой секундой все сильнее. Сейчас, еще секунда и пустота разорвет меня. Мне захотелось закричать парню, чтоб он отвернулся и не смотрел как я разлетаюсь на осколки и растворяюсь в «океане обстоятельств», возле которого меня оставил его дед...

Я делаю шаг вперед и обнимаю совершенно незнакомого мне человека, разделяя с ним одно горе пополам.

Время, куда ты летишь? Куда несешься? Остановись хоть на мгновение, дай нам прийти в себя. Дай осознать, что происходит вокруг. Привыкнуть к миру, меняющемуся с бешеной скоростью. Почему же ты молчишь...

Сколько мы стояли так у двери? Я потеряла счет времени.

– Заходи... Налью тебе чаю, – наконец тихо сказал рыжий парень.

И я зашла.

Всю ночь мы провели с внуком Всеволода Алексеевича, разбирая старые фронтовые письма деда и смотря его фотографии. Мы говорили о жизни старика, восторгались им и думали, какие мы оба глупые люди...

Оказалось, Всеволод, Сева, четыре года назад переехал из

Кельна в Москву, чтоб быть поближе к деду. Он рассказывал мне невероятные истории с фронта, услышанные им от деда.

Он улыбается сквозь слезы, читая мое письмо.

– В этом был весь мой дед... Помогать людям даже в последние минуты жизни.

Я держу его за руку и почему-то мне хорошо от того, что в этот день этот незнакомый мне человек волею своего деда не был одинок.

Разбирая одну из старых коробок с письмами, мы нашли на дне новый конверт. Внутри лежала выцветшая открытка с изображением старой Москвы, а на ней надпись: «Счастье нельзя купить, но его можно встретить...»

Сева посмотрел на меня и улыбнулся. Он думал о чем-то своем. А я думала, какой же его дед был удивительный интриган.

Мы сидели до рассвета. Сева взял мой номер телефона и обещание снова встретиться и проводил до такси.

Оказавшись дома, я подошла к зеркалу и стала смотреть на свое отражение. На серые глаза и короткие волосы. В миг я почувствовала, что падаю от бессилия. Мне показалось, что я стою перед той самой волной и должна наконец-то дать ей какой-то отпор.

Я смотрела в отражение своих серых глаз, наконец понимая, что именно я хотела в них увидеть каждый день, что смотрела в зеркало. Я хотела видеть надежду и огонь, который горел в них всю мою юность!

Волна рушится на меня. Перед глазами потекла вся моя жизнь. Что со мной стало? Ведь я была добрым жизнерадостным ребенком! От чего я стала такой озлобленной на жизнь? От чего мой мир потерял краски и стал похожим на старую лестницу? Просто океан обстоятельств. Просто волна, которая меня в нем утопила...

Я помню, как с каждой моей неудачей, с каждой ошибкой, с каждой ссорой во мне гас огонек. Пока не осталась одна маленькая искорка, которую я спрятала так глубоко внутри себя, чтобы никто никогда ее не нашел. Но сейчас моя искорка сожгла место своего заточения. Я тонула снаружи и горела изнутри!

Я помнила все! Разочарование, постоянные смены работ, ссору с родителями, после которой мы не общались уже семь лет...

Но я могу все изменить! Я не хочу больше каждый день подниматься по старой лестнице, зная, что наверху меня ничто не ждет! Я не хочу больше упускать людей. Не хочу терять возможности. Не хочу быть тем злым циничным человеком, огородившимся от всего мира, в которого превращаюсь.

Я взяла телефон и набрала номер мамы. Как многое сейчас зависело от этого разговора! Ах нет, сейчас все зависело от него! От того, хватит ли мне сил выбраться из-под обрушившейся на меня волны. Хватит ли мне сил снова впустить кого-то в свою жизнь...

Гудок... Еще один...